

От палестинского зноя под здешний дождь

Художники Лев и Наталья Помянские не видели Москву девять лет

Общая газета. — 2000. — 2-8 нояб. — с. 14

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ рассказывает: они хотели приехать в Москву зимой, под Новый год, когда все ходит с блаженными лицами в предвкушении праздника. Но собрались раньше — сбежали от палестинского зноя под московский дождь, чему безумно рады. Еще их радует обилие деревьев и травы, широкое московское пространство. И то, что лица у друзей веселые.

— Тогда, в 91-м, в Москве было ощущение общего разора, обреченности. Появился страх за дочь. В нашем отъезде было много нелепого, когда все или раздавалось, или просто бросалось. Была б возможность продать квартиру, мастерскую, наша жизнь в Израиле сложилась бы не так.

Сегодня Помянские живут в Яффо, старом районе Тель-Авива, где энергичный жизненный ритм, интересная архитектура. И море близко, оно со многим примиряет.

Приживались сложно. Серьезной проблемой стал климат («без кондиционера возникало ощущение умирания»), язык (до сих пор он остается «невесомым, неконкретным, без запаха»). И — работа...

Первой работу нашла Наталья, жена. Ее наняла художественная галерея с условием писать семь картин в неделю и чтобы все они продавались. В марафоне участво-

вала вся семья, все трое «тачали картины». Потом было еще много разных работ — пока Лев, довольно известный в России график, иллюстратор, плакатист, не закончил компьютерные курсы и не устроился в полиграфический концерн.

— Чтобы зарабатывать деньги, пришлось стать наемным работником. В Москве я такого опыта не имел, хотя отдавал делу больше времени — оно было желанным. В Москве я и отдыхал больше, мог поехать в отпуск не на десять дней, как сейчас, а надолго, например, в какую-нибудь экспедицию. Теперь приходится работать с людьми, с которыми раньше не стал бы общаться, делить с ними часть своей жизни.

Наталья — после очередного увольнения — занялась керамикой. Продает свои вещицы на пешеходной тель-авивской улице, вроде нашего Арбата. Блюда с подснежниками, куклы в стиле ретро. Все сделано вручную и в нескольких экземплярах. Появились уже свои покупатели, и не только местные.

Сам Лев долго находился в таком психологическом состоянии, что не мог рисовать. Сейчас к нему потихоньку возвращается вкус к творчеству. Считает, что понадобится минимум пять лет на восстановление цветовой и линейного мышления — «сколько лет падаешь, столько же надо поднимать-

ся». Пишет он в основном натюрморты.

— Когда пишешь понятные вещи, можно думать — ну, просто ни о чем. Замечательное ощущение, когда руки сами делают то, что надо. В это время может играть музыка или идти новости по радио. Когда я курил, то любил курить не сигареты, а махорку, потому что это целый процесс приготовления цигарки. Так же мои руки любили выдавливать краску, смешивать ее. И они продолжают это любить.

Ландишь, скайф, веронезе, марс желтый, коричневый — краски были почти культовой вещью в доме его отца. Он работал учителем, а подрабатывал копиями картин из Третьяковки. В конце сороковых, когда в очередной раз был посажен родной брат отца, к ним стал каждый день ходить участковый. Милиционер оказался тихим и мирным, ценил живопись, заводил о ней разговоры, которые почти всегда заканчивались просьбой: «Михаил Ильич, у меня вот красочка зелененькая закончилась, ты б мне дал... А кисточки у тебя нет?» За те годы, что участковый ходил к Помянским, у него должно было набраться красок на художественный фонд.

— Мне всегда казалось, что звуки и запахи надо копить. Запахи красок, керосина, в котором я до сих пор

Автопортрет Льва Помянского

мою кисти, запах даммарного лака или скипидара всю жизнь меня сопровождают. Когда я был в Индии и раздумывал, что я повезу домой — ведь там все такое пышное и обильное, — решил взять с собой чай, ароматические палочки и ситару, звуки которой повергают в полную отрешенность. Достаточно тронуть струну, и эта вибрация звука в сочетании с ароматом сандаловой палочки уводит тебя в мир грез и воспоминаний.

В Москве они заглянули в Союз художников. Сказали, что задолжали взносы. Им ответили как людям, которые на минуту выбежали за спичками и вернулись: «Нет проблем, в 13-ю комнату и 20 копеек за билет нового образца». Лев и Наталья не выходили из Союза, всегда считали себя его членами. Они и в Израиле не хотели совсем уж отделять себя от жизни здесь. Заплатили долг за девять лет и получили новую «корочку» Союза художников России. Побродили по любимым залам Третьяковки, увидели много работ из запасников, которые раньше встречали только

в монографиях. Порадовались, что часть работ уже остеклена матовыми неотражающими стеклами, как в других лучших музеях мира.

Ну а все же: какой им теперь видится Москва?

— Бросилось в глаза обилие маргинальных личностей, раньше такого не наблюдалось. Много чего в Москве уживается. Для меня первопрестольная — этакая барынька, у которой рюшечки, кружавчики, кренделя и тут же масляное пятно от блинчика или подол уличной грязью запачкан.

Когда мы вернемся в Тель-Авив и дочь меня спросит: «Ну, как она, Москва?», я отвечу: «Блеск!» Это Москва, что тут говорить? Есть я, нет меня, она все равно будет. И это хорошо, что ей наплевать, какие люди ее населяют. Если бы было не так, тогда, наверное, возникло бы сильное влияние этих людей на Москву, она стала бы другой. Она, как картина в музее, одному нравится, другому нет, но она обладает независимостью — быть самой для себя.

Елена АЛЕКСЕЕВА

Фото автора

Сталенские Наталья и Лев
2 июля 2000

2000
ИЗДАНИЕ
АВИАКОМПАНИЯ